

Гр. Щербинин (Нерсисян).

Этихи.

Перевод с армянского Л. Анненского.

№ 2.

Библиотека Армянской Секции Культотдела
Совпрофа ССР Абхазии.

№ 2.

1925

Гр. Щербинин (Нерсисян).

СТИХИ.



Перевод с армянского

Л. Анненского.



Печатано в Типографии ВСНХ
им. Ленина в гор. Сухуме
в количестве 2.000 экз.
Заказ № 1655.

П Я Т Ь.

Памяти т.т. Мясникова (Мартуни), Могилевского,
Атарбекова, Шпиль и Бакрадзе.

1.

Он!... он!...
Их пять... пять...
Умер?... Кто?... Он?...
Смерти нет в человеке...
Бессмертен он...
Прочь слезы, стон...
Будет жить он..
Не умрет и он...
Будут жить для нас вовеки...
Зачем стонать?
В сердце моем...
В сердце твоём...
Живет их пять...
Но в сердце рана...
Сердце разорвись!...
Из адского пламени аэроплана...
Пять факелов летели вниз...
И мы в печали...
Наши души на дне...
Это мы с ними сгорали...
В адском огне...
Наши сердца замолчали...
Мыслей прервался ход
Бессильные против смерти

Это мы испытали
Смерти полет...
Наша душа остыла,
Чтобы завтра снова воспрять,
Чтобы дерзкая наша сила
Могла стихию попрасть...
Больше не сгорят аэропланы...
Наш сын бесстрашно завтра полетит...
Не страшен будет аэропланам,
Даже снарядов злой динамит.

2.

Компартия!
Мартуни*)
— Нет твоего секретаря...
Но есть многоликий рабочий люд,
Крестьяне,
Для кого светит огневая заря.
Все те для кого он жил на свете...
Для кого он смертный свершил полет...
Он жив для нас. Мы его дети...
Он в наших сердцах живет, живет...
Рабочий народ.
Мы с ним идем вперед...
Он никогда не умрет...
Рабочий народ!

3.

Чека!
Говорят, говорят...
Могилевского тоже не стало...
Дружнее, за рядом ряд...
Нет пламени, чтоб дело его пожрало...

*) Мартуни—псевдоним Мясникова.

Если против огня нет силы...
То бессильна смерть победить
И отнять у нас для могилы,
Мыслей испытанных нить...
Чека, он всегда с тобою. .
Дорогу указывает тебе..
Упорной,
Железной стеною,
Ты пойдешь, его помня в борьбе.

4.

Буржуа!
Веселье твое
Наш глаз подмечает зорко...
Веселишься? ты рад. рад?
Что не стало у нас Геворка...*)
Но в последнем бою
Дрожи за радость свою...
Посмотри:
Комсомол,
Как орел,
Пробует юные силы...
Он следит за тобой,
Он готовится в бой,
Он роет тебе могилу,
Буржуа!
Думаешь, Геворка нет...
Мы не сумеем бороться с тобою...
Для грядущих над тобой побед,
Заплатил он жизни своей ценою.
Поколение Геворков растет...
Твое счастье в крах разобьет...
Буржра!

*) Геворк—имя Атарбекова.

Запомни слова:
Компартия жива
И с нею Геворк живет.

5.

Шпиль!
Мы не верим в смертные тени...
Только глупец говорит, что тебя нет..
Ничтожна жизнь, неярк свет,
Без часов дерзновений.
Шпиль!
Он живет!
Он в гуденьи огромных заводов
Готовится в новый полет...
Когда Сагарадзе,
Сын плуга...
Научится летать...
Умрет буржуа;
Когда Сагарадзе
Сын плуга
Стихию начнет побеждать!

6.

Пламенные факелы горели...
Из аэроплана бросились вниз...
Для нас они ярко рдели...
Буржуа, берегись..
Титаны человеческой воли,
На землю вас кинул пожар
Это мы сгорбились от боли...
Это нам ужасный удар...
Это мы, мы испытали..
Смерти полет...
Чтоб на завтра снова воспряли

И снова летели вперед...
Больше не сгорят аэропланы
В плен сыновья наши стихию возьмут...
Ваши имена мы твердим неустанно,
Они в наших сердцах живут.

26—29/III—25 г.

Сухум.

М А Р Ш.

Позабыв про скот, про соху и про плуг,
Про землю и хату и родную семью,
В город стремится услышав его звук,
Крестьянин и в армию входит твою.
Пыль поднимается под миллионами ног,
Пыли вереницы выются столбов,
И как будто узки эти тысячи дорог,
Что гремят от ваших победных шагов.

Раз, два, вперед! Рабочий боец,
Шар земной тащи за собой.
Раз, два, вперед! Свой увидишь венец,
Огнеликого солнца прибой.

По мрачных ущелий скользким губам,
Откуда пешком мы проходим со страхом,
Широкую дорогу ты проводишь нам,
Своим величавым размахом.
Шагает бесстрашно теперь крестьянин,
Заре разопертстой навстречу,
Ночь ненастная сгинула во мраке годин
Новой жизни лучи ярко плещут.

Раз, два, вперед! Рабочий боец,
Ты мучился в жизни довольно
Мученьям твоим приходит конец
Шагая вперед, заживешь ты привольно.

Посмотри этот город, там пустыня была
В сердце ее монастырь возвышался.
Встали теперь там дворцы как скала,
В небо поток их бурно прорвался.

Твой товарищ, такой же бедняк,
Как и ты, теперь на заводе,
В кузнице с тобой разбивает мрак,
И дорогу кует он свободе.

Раз, два, вперед! Рабочий боец,
Слезам земля переполнилась ныне,
Раз, два вперед! Мученьям конец,
Да здравствует город, долой пустыню.

Этот аэроплан, что так плавно летит
Выше туч поднимаясь в полете,
Удар по наковальне, железа бездушного стыд,
Сила бури, в великой и грозной охоте.
В темных подвалах жестоким тиранам,
Напрасно помолившись, твой товарищ хрипит,
Вот другой, разрушил цепи, залечил свои раны,
К прекрасным созвездьям могуче летит.

Раз, два, вперед! Рабочий боец,
По земному шару шагай неустанно,
Победы твоей уже близок венец
Арбы долой, да здравствуют аэропланы.

Буржуйкам.

Здесь кладбище. Его не попирайте,
Ни лентами, ни яркостью венца
На эту землю вы не наступайте
Здесь из-за вас погибшие сердца.

Несчастный этот. Мальчиком был бедным,
С морщинистым лицом, голодным и больным,
У вашего дворца он подыхает бледный,
К собаке тянется, чтоб поделилась с ним.

А это девочкой была. Всегда шаталась,
Дрожала, падала. Так каждый день и ночь,
И в ямах мусорных до вечера копалась,
Но ваши слуги гнали ее прочь.

Та, знаете. Когда с высокой крыши
Упал рабочий ваш в неосторожный миг.
То мать его. И вот она не дышет.
Она уж умерла, свой подавляя крик.

Вот, эта. Видите. Богатый сладострастьем
Один ваш друг несчастную сгубил.
Здесь дочь ее лежит. И не узнавши счастья,
Она погибла не имея сил.

Рабочим этот был. В день похорон родимой,
Отца он вашего душил с тоской в глазах,
Но не сумел убить. Потом судимый,
Три дня качался он повешен на столбах.

А эти жертвы вашего веселья
Вам душу отдали они свою.
Под барабанный всплеск, под крики одобренья
Без слова пали в огненном бою.

А там борцы ушедшие на веки.
Силен жандармов ваших пулемет.
Они восстали, чтобы в человеке,
Не угасал желанной жизни взлет.

Вот эта горсть земли-один убитый вами,
На траурном-скрещеньи баррикад.
Держался юной он рукой за знамя
Но жизнь его пресек кровавый ваш солдат.

А тот сгорел в мученьях на заводе,
Когда взлетел разорванный котел.
А вот сестра моя тоскуя по свободе,
Ее чахотки злой замучил ореол.

А это мать моя, а это брат родимый,
— Надежды юных дней схороненные здесь
От вашего погибнувшие дыма,
Они умолкли в миг и слез моих не счесть.

Но никогда меня вы не поймете,
Соленых слез вы не узнали вкус.
Вы трупами холодными живете
И я растрогать вас понятно не берусь.

Меня оставьте вы. В тоске один я скрою
Моих любимых дорогих людей.
Мир бархата далек и здесь в покое,
Здесь матери должны желать последних ваших дней.

Здесь права не имеете остаться,
Чтоб слезы увидеть несчастных тех,
Я с вами не хочу соприкасаться,
Присутствие здесь ваше-смертный грех.

И никогда не задушю я бури
Кровавой ненависти к вам,
Но бешеным дыханьем лазури
Моей души, всю ненависть вам дам.

Здесь кладбище. И тот кто здесь схоронен,
Проклятье шлет прерывистое вам.
И красный май в увенчанном законе
Несет погибель по следам.

Вы кладбища земли не попирайте,
Ни лентами ни яркостью венца.
На эту землю вы не наступайте
Здесь из за вас погибшие сердца.

* * *

Я мертвая, огромная пустыня
И плоть моя безжизненный песок.
Но ты в песках сгоришь, увянешь ныне,
Весны прелестной радостный цветок.

Уйди, удались!

Я выюга мощных гор,
И поцелуй мой—молниею жгучей.
Ты нежный ветерок, но с этих пор
Тебя я бешеным дыханием замучу.

Уйди и забудь!

И песнь моя, звучит как ураган,
Песок волнует, громом раздается,
Высоких гор лобзает гордый стан,
Но песнь твоя наивной лаской вьется.

Уйди, удались!

И песнь моя как огненный вулкан,
Обрушивший столбы огня и дыма.
Но песнь твоя, как траурный орган,
Увядающей осени, в слезах плывущей мимо.

Уйди и забудь!

И песнь моя расплавленный металл,
Стремит свой бег громадною машиной.
Но песнь твоя-предсмертных слез хорал,
И песнь твоя-молитвы паутина.

Уйди, удались!

Мы никогда друг друга не поймем,
Я грозный гром, ты сновиденье ночи,
Одной с тобой дороги не найдем,
Ты тишина, во мне ж борьба клокочет.

Уйди и забудь!

* * *

Проклятье тебе хлеб!

В громадном кольце пространства веками
Свет безсильный горит,
Как червяк ничтожный в яме,
Перед тенью твоей дрожит.

Проклятье тебе бесконечное!..

С тобою жизнь прекрасна,
Без тебя сурова она,
С тобой утихают все страсти
Без тебя смерть и мука дана.

Но благословен ты хлеб!

По тебе веками тоскуя
Борьба несчастных рабов,
Вела их к победе ликуя,
Грозою была для оков.

Но и проклят ты вовеки!

Что ты подкупал побежденных,
Сытые они подали ниц,
Тиранов хвалили троны,
Пели гимны они для темниц.

Проклятье тебе хлеб!

Что сковал рабства цепями,
Человека с подобным себе.
И голодными, злыми страстями.
Разделял ты людей в борьбе.

Проклятье и благославение
Тебе наш хлеб!

* * *

Что есть ты говорят, что ненавидя нас,
Ты свет наш заклеил проклятьем злобным.
Завистливый и злой, гнетешь нас каждый час
И судьбы наших дней тискам огня подобны.

Что безконечен ты, бессмертен, говорят,
Владыкою небес и трон твой крепче стали,
Что мощь твоя сильна и нет тебе преград
И мы твои рабы в сомненьях и печали.

И говорят, что мерзостью и злом
И рабства гнусного тяжелыми цепями,
Ты приковал людей, чтоб плакали потом,
Чтобы ползали в пыли с дрожащими руками.

Ты, говорят, смеешься каждый раз,
Коль плачет человек, опутан паутиной.
И чистый смех его—твоей печали час,
Когда ты слышишь смех, то на лице морщины.

Хоть говорят ты есть, не верю я тебе.
К прекрасным небесам твой раб стремится полеты,
Порхает в воздухе, наперекор судьбе,
Победно в плен берет твои высоты.

Пусть говорят, ты есть, но знаю будет час,
Как тайна ты уйдешь, которых было много.
И никогда никто и ни один и нас
Не скажет имени развенчанного бога.

И ты властитель должен умереть,
Уже конца ты не увидишь века.
Теперь сам человек сумел себя воспеть,
И бога одного лишь знает—человека.

Я и ты.

Сигары дым темно-синий
С лампой обнявшись дрожит.
Серебро многозвучных линий
Из под клавиш рояля летит.
То поют неясные думы,
Душу сжигают они.
То как гром, то как оргия шума,
То как ветер целующий дни.
То как грохот бушующей бури,
То как сказочных роз аромат,
Твоя песнь звучит в лазури,
Брызжет печаль наугад
Погасающий в горести брат.

Но ты, слышишь-ли там, под землею,
Смелую песню вод?
Рук бесчисленных, грохот боя
Величавым концертом поет.
Ты слышишь-ли песню железа,
Блоков свистящих полет?..
Как гудки многомошные лезут
В кипеньи котлов вперед?
Ты слышишь-ли, как рыком льва,
Железа поет кипенье?
Ты слышишь-ли победителей ураганов слова—
Сильных пушек гремучее пенье?

Твоя песнь сновиденьем маячит,
Осколком неясной мечты;
Моя песнь сновиденья богаче
И богаче твоей красоты.

Твоих мыслей мученье угарно,
Их случаен растерянный вид,
Подобно улыбке коварной,
Что по губам незнакомки скользит.
Или слабым дрожит пожатьем
От страсти трепещущих рук.
Сумел горе иное узнать я
И другую обитель мук.
В зверском аду и в пытке
Новую жизнь я создаю.
Твоя жизнь мгновенья выткав
Безграничность стремится свою,
Моя песнь бессмертной борьбою,
Как вечность бессмертна она.
Человека зову я к бою
Выпить судьбу до дна.

Сигары дым темно-синий
С лампой обнявшись дрожит
И твой плач, как вопросов иней
На губах твоих лежит.
Я оставил тебе подобных,
В ряду славных борцов-друзей
С громом песен против призраков злобных
Мчусь вперед веселей и бодрей.
И бессмертная тоска меня волнует,
Тоска ярче любимой твоей,
Утреннюю зарю с волнением жду я,
Что-б царство рассеять бесплотных теней.
Среди подобных тебе, добровольно
Подставляющих шею палачу,
Жить хочу я свободно и вольно,
Новою жизнью я жить хочу.

* * *

Осанна тебе человек!

Ты тысячи веков вздыхаешь и томишься,
Земли гигантской выпивая чад.
И тысячи веков ты плачешь, веселишься
И всасываешь ненасытно жгучий яд.

Осанна бесконечно!

Ты мыслей черных мучился родами,
Во тьме веков их, тысячи рожал;
И тысячи сердец свирепыми страстями
Ты разбивал и плача хохотал.

Осанна тебе человек!

В прелестный счастья миг свою любовь и веру,
Ты в идолов угрюмых превращал,
И перед ними трепетал без меры,
Без слез, без сожаленья трепетал.

Осанна бесконечно!

Что каждый раз все новыми богами,
Страстями новыми ты украшал пути,
И каждый раз с грядущими веками
Богов ты разбивал, что-б вновь себе найти.

Осанна тебе человек!

Если бы вы, как я...

Из тьмы об'ятий встали вы как пламя
И в путь пустились смелыми шагами

Утру навстречу.

Печать безумных исканий—

Черных лет, терзаний

Морщины ваши мечут.

Как стоя собак без воды, в тоске по ней

Вы дожили до наших дней.

Воды желаете добиться у камней.

И хлеба просите вы у бездушных скал

И каждый как разбитый нищий

Без крова, отдыха и пищи

здесь стал.

За подаяньем тянете вы руки не свободно.

С бессильным плачем вы стоите здесь и там.

Но я, ваш сын, подобным голодным

Не верю вам.

Если-б были вы голодны

Если-б мир весь лютея,

А за сабли не схватились бы вы,

Что спускаются на ваши шеи..

Не смотрели бы тускло и злобно

Не были-б смерти подобны.

Порой вы ропщете в удушливых слезах,

Как старцы в умираньи...

Вы ползаете рассыпая прах,

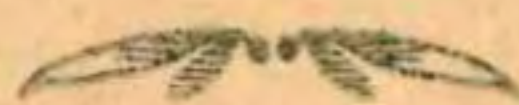
Считаете, что лживое созданье

Что носит имя бога среди мгновений.
С своих высот
Пожалуй вдруг спасет

Вас от мучений.

Ароматом смертоподобных молитв
Остановились на пути вы среди опьянений.
Нежнее ветра, печальнее рокота битв
Слышны шопоты ваших мучений.
Не верю я этим шептаньям,
Если-б голодом мучились вы как ударом,
Весь мир сожгли бы до основанья
Ненависти пожаром.
А не ползали бы вы рабами,
Под ногами людей рассыпаясь в прах...
Вы бы держали свободы знамя
И умирали бы с маршем ее на устах.

Не я ваш поэт...
Я ураган... сын суровой пустыни...
Я смерч... огненной бури след...
Я родился и вы умираете ныне...
Вы плачете... но не верю я вам..
Если-б вы, как я, голодали,
Вы подобно моря бурным волнам
Мир бы пожаром терзали.
И мир был бы весь снова готов,
Мир без пиров во время чумы,
Без голода и без оков
На порогах шайтанов пирующей тьмы.



БУДУЩЕМУ.

Придешь ли ты от голода, мученья,
С кривым лицом.
Окрасив ноги в рдеющие звенья
Пройдешь свой путь тайком.
И смертоносным-ли дыханием отравы
И мстью напоишь.
Ты мира целого оледенишь суставы
И в груды трупов превратишь?
Иль тот, кто царствует безвестно
Давно устал.—
Кто скорбь дарит веками повсеместно,
Мучений вал?

Придешь ли ты с веревкою и плахой
И топором,
И эшафотов пни с размаху
Нам дашь потом.
Потом обнимешь хладнокровно
Багрянцем рук...
И жизнь потечет как море ровно
Ужасных дум и мук?
Иль тот кто царствует безвестно
Давно устал.
Кто смерть струил нам повсеместно
И кровь потоком гнал?

Хоть не приходишь к нам упорно,
Готовность нам—

Шагать по полным трупов черным
Твоим путям.

Против тисков твоих, что душат
Батрацкий люд

Готовы мы. Мы держим сушу.
Тебя там ждут.

Мы путники. В борьбу с мученьем
Мы все идем.

И ты лишь вечности мгновенье,
Тебя мы ждем.

